

Б. И. Срезневскій.

Пушкинъ и музыка.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевскаго Университета 26-го мая 1899 года.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Б. И. Срезневскій.

Пушкинъ и музыка.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевского Университета 26-го мая 1899 года.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

24354

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

В. Н. Срезневский

ПУШКИНЪ И МУЗЫКА

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1899 г.

136210754

4-XVA
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
9074

Есть міръ безсмертія. За гранями земного
Есть царство свѣтлое чистѣйшей красоты.
Оттуда къ намъ идутъ живая мысль и слово,
Живой поэзіи волшебные цвѣты.

Изъ царства этого, прекраснаго, святаго
Бралъ звуки Моцартъ, образы Канова
И краски дивныя изящный Рафаэль.
Тотъ міръ — гармоніи и правды колыбель.

Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ учитель...

(Т. Л. Щелкина-Куперникъ.)

Эти стихи, произносимые сегодня на торжествѣ въ Святыхъ Горахъ юною послѣдовательницею великаго поэта, поставлю я эпиграфомъ своей краткой рѣчи. Изъ того свѣтлаго царства чистѣйшей красоты, царства волшебныхъ цвѣтовъ живой поэзіи, царства изъ котораго черпали свои вдохновенія Моцартъ, Канова, Рафаэль, оттуда принесъ великій нашъ учитель и слово, которымъ онъ жегъ сердца людей, и чуткость къ гармоніи, и способность наслаждаться пластическими образами, и пониманіе всего прекраснаго. Плоды той неземной страны, страны художества и красоты, были насущною потребностью Пушкина, потребностью столь же настоятельною, сколько настоятельно требованіе свободы для духа человѣческаго. Вотъ что называлъ Пушкинъ свободою, этимъ высшимъ благомъ земнаго своего поприща:

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья.
Вотъ счастье! вотъ права!...

Утопать безмолвно, говоритъ поэтъ. Но нѣтъ. Это безмолвіе поэта предъ созданіями искусствъ и вдохновенія только временное. Художественный образъ, занявшій мѣсто въ воображеніи поэта, долго покоится въ безмолвіи, но не гаснетъ. Въ головѣ художника совершается надъ этимъ образомъ бессознательная работа, мысль получаетъ толчекъ, появляются новыя мечты, новыя думы, мечты лелѣются, думы вынашиваются; наконецъ вступаетъ въ свои права вдохновеніе поэта. Настаетъ безпокойство, предшествующее проявленію творчества:

Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ.

И тутъ, говоритъ Пушкинъ,

Ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды души моей.

Это все давнія впечатлѣнія, запомнившіеся образы, выношенные думы, взлелѣянные мечты. Наступаетъ мигъ воплощенія.

Такимъ то образомъ лира поэта увѣковѣчиваетъ и передаетъ намъ его впечатлѣнія. Какъ просто, какъ граціозно оно выливается, не вымученное нарочитыми усиліями, а подготовленное художественною воспримчивостью и воплощенное свободнымъ вдохновеніемъ! И мы — и подозревать не можемъ, сколько переработалъ въ себѣ художникъ исподоволь, сколько разнороднаго матеріала онъ собралъ, быть можетъ бессознательно, чтобы дать полный значенія художественный образъ, облеченный въ легкую, непринужденную, изящную форму.

Недостаточно было Пушкину увидать статую Кановы, чтобы описать ее своимъ стихомъ; вѣроятно же, что произведеніе скульптора только дало толчекъ вдохновенію, и оно

вызвало къ жизни цѣлый рой выношенныхъ мыслей, рядъ давнихъ впечатлѣній отъ образовъ, ритма, характера твореній античнаго искусства. Все это соединилось въ четыростишии, проникнутомъ красотою древне-греческаго міра :

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.

Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.

Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой.

Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печально сидитъ.

Такимъ то образомъ долженъ находить художественный образъ свое отраженіе и въ другихъ искусствахъ. Если мы встрѣчаемъ и въ музыкѣ счастливыя воспроизведенія лиры поэтовъ, то это тогда, когда красоты поэтическихъ образовъ находятъ себѣ въ музыкѣ родственное созвучіе, созвучіе самостоятельно прекрасное, отнюдь не стремящееся рабски перефразировать поэзію, но дополняющее красоту оригинала красотами новыми, сходными по характеру и значенію.

Лирика Пушкина сама просится на музыку, замѣтилъ на одной изъ своихъ сердечно прочувствованныхъ лекцій нашъ дорогой истолкователь чествуемаго поэта. Стихи „я васъ любилъ“ положены на музыку не менѣе 20 разъ. Какія чувства и страсти, и самыя человѣческія, и самыя святыя не перешли съ лиры Пушкина чрезъ вдохновеніе нашихъ художниковъ музыки на голосъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Тутъ вы найдете и уныніе — „я пережилъ свои желанія“, и упоеніе любовью — „мой голосъ для тебя и ласковый и томный“, и молодцеватое ухаживаніе Испанца — „я здѣсь Инезилья“, и отеческую ласку — „если жизнь тебя обманетъ“, и вакхическое разгулье, и мрачный юморъ шотландца, и увлеченіе юнаго стихотворца, сокрушающагося о томъ, что его память поглотитъ Лета, и чувство долга женщины, отрекающейся отъ счастья, которое когда-то было такъ близко, такъ возможно. И дѣйствительно, какія дивныя произведенія получаютъ отъ сочетанія цѣвницы, врученной

музою нашему поэту, съ лирами Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго.

Чѣмъ лучше можно было украсить легкую игривую поэзію, какъ не музыкою Глинки на слова: „играй Адель, не знай печали, хариты, лель тебя вѣнчали и колыбель твою качали . . .“ !

Какую неподобную исторію любви рисуетъ Глинка на конвѣ романса, написаннаго поэтомъ подѣ обаяніемъ Анны Петровны Кернъ: „я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты“ ! Рѣзкими штрихами оттѣняетъ Глинка разлуку. Отрывистые, сухіе, рѣдкіе удары въ аккомпанементѣ какъ будто подчеркиваютъ жесткость, беспощадность судьбы, оторвавшей поэта отъ всего дорогаго:

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Ожесточенность, озлобленіе слышите вы въ музыкѣ. Но за то какъ естествененъ, свѣжъ и милъ оживленный возвратъ первой темы при словахъ:

Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Мастерскимъ *stretto* обрисовываетъ Глинка радость, наполняющую сердце и переходящую въ упоеніе счастіемъ; сердце воскресаетъ, мечты воскресаютъ, вновь живы „и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь“.

У меня еще стоитъ въ ухахъ металлическій звукъ высокаго сопрано ученицы Глинки, талантливой пѣвицы и писательницы Гринбергъ, пѣвшей этотъ романсъ 30 лѣтъ тому назадъ такъ, какъ училъ ее Глинка. Вспоминаются

увлажненные слезою, теперь уже ослѣпшіе, глаза слушателя, 80-лѣтняго старца, понынѣ помнящаго былые восторги, и чувствуется тотъ благодатный трепеть, который овладѣвалъ при звукахъ, рисующихъ возвращеніе утраченнаго счастья.

Вспоминая такія глубокія, многолѣтнія впечатлѣнія, не можешь не признать, что музыка способна выражать, способна захватывать все существо человѣка, способна заставить его трепетать, способна умилять, вызывать слезы печали и воскрешать радость. Несомнѣнно, лира Пушкина вдохновила музыкантовъ къ произведеніямъ богатымъ и выразительностью, и чистою красотою. Это сочетаніе дорого намъ именно тогда, когда самостоятельная прелесть словъ соединяется съ красотою самостоятельною въ музыкальныхъ звукахъ, и когда звуки рѣчи и музыки еогласно возбуждаютъ наше воображеніе и волнуютъ душу.

Но не ошибаемся ли мы? Можетъ ли быть вложено въ звуки музыки выраженіе чувствъ и изображеніе реальныхъ картинъ и движеній? Присуще ли оно музыкѣ? Не навязана ли музыкѣ эта способность нашимъ разыгравшимся воображеніемъ? Согласуется ли она со здравымъ смысломъ?

Здравый геній Пушкина даетъ намъ указанія на границы выразительности музыки. Вотъ какъ говоритъ онъ устами Моцарта, объясняющаго другу свое новое произведеніе:

Намедни ночью

Безсонница моя меня томила,

И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.

Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось

Твое мнѣ слышать мнѣнье.

Представь себѣ... кого-бы?

Ну, хоть меня, — немного помоложе,

Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка,

Съ красоткой или съ другомъ — хоть съ тобой....

Я весель . . . Вдругъ : видѣнье гробовое,
 Внезапный мракъ или что-нибудь такое.
 Ну, слушай же.

Не ясно ли, что здѣсь Пушкинъ высказываетъ желаніе связать съ звуками музыки реальныя образы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько далеко отъ программы, что не опредѣляетъ ни одного отчетливаго реального образа: „кого бы? ну, хотъ меня“, „съ красоткой или съ другомъ“, „видѣнье гробовое, внезапный мракъ или что-нибудь такое“. Мало того, у Моцарта оказывается готовымъ музыкальный образъ, форма, и онъ къ готовой музыкѣ старается только подобрать реальныя жизненныя образы; эти образы, кажется, только настолько важны, насколько они способны скорѣе навести на желаемое настроеніе, нужное для того, чтобы проникнуть въ музыкальную красоту и оцѣнить ее. Пушкинъ признаетъ слѣдовательно въ музыкѣ прежде всего ея самостоятельную прелесть, а затѣмъ настроеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ въ музыкѣ нѣкоторой изобразительности, допуская впрочемъ картины дѣйствительности, какъ атрибутъ, но не существенное начало музыки, и предоставляя большую свободу въ выборѣ этихъ атрибутовъ. Такимъ образомъ Пушкинъ становится въ золотой срединѣ между музыкальными эстетиками двухъ лагерей: между такъ называемыми идеалистами и формалистами.

Этимъ взглядомъ Пушкина, мнѣ кажется, должны руководиться тѣ композиторы, которые задаются цѣлью дополнить музыку очарованіе его стиха. Дать легкую, граціозную, подобную Пушкинской, форму и уловить настроеніе, не доискиваясь буквальности выраженія — вотъ ихъ задача. Одно изъ счастливыхъ сочетаній словъ Пушкина съ музыкою получено совершенно случайно изъ соединенія его романса „мой голосъ для тебя и ласковый и томный . . .“ съ подходящимъ къ нему по настроенію прелестнымъ фортепіаннымъ романсомъ А. Г. Рубинштейна. Много прекрасныхъ

образцовъ совпаденія настроенія въ музыкѣ и въ лирическихъ оригиналахъ Пушкина можно найти и помимо перечисленныхъ примѣровъ.

Но какъ ни богаты средства музыки для дѣйствія на чувство человѣка, однако встрѣчается затрудненіе при иллюстраціи нѣкоторыхъ даже лирическихъ текстовъ Пушкина. Музыка вступающая на путь преднамѣреннаго выраженія, берется за дѣло трудное, почти непосильное; она собираетъ тогда всѣ свои средства, сосредоточиваетъ все вниманіе на предметѣ изображенія и уже не даетъ возможности соединить хотя бы два противорѣчивыхъ настроенія. Она, быть можетъ, прекрасно передаетъ настроеніе „грусти томной“. Но если нужно сказать, что Ольга „не способна къ грусти томной“, то такое отрицаніе уже ускользаетъ изъ власти музыки; Чайковскій этому примѣромъ.

Еще болѣе неодолимыя затрудненія представляются при иллюстраціи болѣе крупныхъ, особенно эпическихъ произведеній Пушкина, которыя блещутъ тонкимъ, шутливымъ, порхающимъ настроеніемъ. Возьмемъ хотя-бы сказочные ужасы похищенія Людмилы Черноморомъ, томленій отрубленной головы великана и пр. Эти эпическіе образы могутъ составить содержаніе полныхъ значенія музыкальныхъ картинъ у Глинки; но къ сожалѣнію, чтобы усвоить значеніе этихъ картинъ, слушатель долженъ отнестись къ воспріятію съ полнымъ сосредоточеніемъ. Онъ долженъ вникать въ музыку, активно участвовать въ музыкѣ, переживать ее такъ же, какъ переживалъ ее композиторъ. При этомъ обоюдномъ сосредоточеніи на предметѣ изображенія со стороны и композитора, и слушателя, по неволѣ исчезаетъ та игривость и шутливость, какою украсилъ Пушкинъ свою поэму „Русланъ и Людмила“. Глинкѣ было поставлено въ вину это несоотвѣтствіе Сѣровымъ. Но что же дѣлать, если въ музыкѣ не найдено того жанра, который позволилъ бы совмѣстить изобразительность съ игривостью настроенія, притомъ безъ намека на извѣстный нежелательный пошибъ?

Къ этой легкости изображенія приближался въ хорошей музыкѣ только Моцартъ; музыка же современная привыкла требовать серьезности и полного сосредоточенія. Только при сосредоточеніи слушатель воспринимаетъ желательную экзальтацію, тотъ, такъ сказать, гипнозъ, который лежитъ въ задачахъ музыкантовъ, называющихъ себя идеалистами.

Пушкинъ не сторонникъ такой экзальтаціи. Противопоставляя экстазъ вдохновенію, онъ отдавалъ предпочтеніе вдохновенію, потому что экстазъ, по его мнѣнію, исключалъ спокойствіе, „необходимое условіе прекраснаго“.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ удивительное сходство Пушкина съ тѣми классиками, которые упомянуты выше въ эпиграфѣ, которые ставили своимъ идеаломъ идеаль чистой красоты, остерегаясь болѣзненнаго возбужденія, причиняемаго менѣе тонкими произведеніями искусства. Возьмите Рафаэля: его Христосъ падаетъ подъ бременемъ креста, Христосъ изнеможенъ, клонится къ землѣ; но онъ не падаетъ всею тяжестью своего тѣла, не придавливается крестомъ, который во-время поддерживанъ окружающими; художникъ не довелъ физической возмутительности до крайняго предѣла, онъ даетъ чувствовать ее, оставаясь вѣрнымъ требованіямъ красоты. Не подобное ли мы чувствуемъ въ Моцартовыхъ звукахъ: ужасъ появленія статуи командора слышится въ этихъ мѣрныхъ, широкихъ, ритмическихъ ударахъ благозвучныхъ D-moll-ныхъ аккордовъ, и страхъ, неодолимость этой каменной, таинственной, загробной силы не вырываетъ у художника ни одного диссонанса. Съ полнымъ самообладаніемъ онъ послѣ грозной музыкальной картины, открывающей Донъ-Жуана, разсыпается въ блесткахъ игривой увертюры.

Намъ, привыкшимъ теперь къ тому, чтобы произведенія искусства били по нервамъ, приводили въ экзальтацію, гипнотизировали, такое легкое отношеніе къ только-что вызванному настроенію кажется непонятнымъ, почти обиднымъ.

Дѣйствительно многіе изъ насъ при имени Моцарта пожимаютъ плечами. Точно также и по отношенію къ Рафаэлю можно слышать мнѣніе заправскихъ живописцевъ, что „теперь всякій умѣетъ рисовать какъ Рафаэль и даже лучше Рафаэля, но что теперь уже такъ не рисуютъ, потому что у публики нѣтъ спроса на подобныя произведенія.“ А тѣмъ не менѣе никто не можетъ теперь создать ни Сикстинской Мадонны, ни С-dur'наго квартета.

Параллель, проводимая между Рафаэлемъ и Моцартомъ, продолжается и до Пушкина. И у его твореній есть черта недоступности для лицъ, цѣнящихъ въ искусствѣ сильныя ощущенія выше всего. И Рафаэль, и Пушкинъ работали сознательно, отдаваясь труду изученія предмета и вынашивания мысли. Въ параллель упорному труду Пушкина, кропотливо собиравшаго матеріалы, вырабатывавшаго планы и испестрявшаго рукописи помарками, можно привести извѣстную манеру Рафаэля, который не довольствовался для Мадонны списываніемъ фигуры избранной натурщицы, поставленной и драпированной согласно его замыслу, но сперва отыскивалъ красоту посредствомъ многихъ пробъ установки и списыванія фигуры цѣликомъ и по частямъ à la, и затѣмъ повторялъ поиски за красотой драпировки. Не такъ ли вырабатывалъ свои планы, свою гармонію частей въ цѣломъ, свою мысль и свой стихъ нашъ Пушкинъ?

А въ той независимости продукта творчества отъ обстоятельствъ жизни и отъ случайнаго влеченія, которой мы удивляемся въ Пушкинѣ, не найдемъ ли мы средства его генія съ геніемъ Моцарта, писавшаго свои квартеты безъ единого жалобнаго звука, безъ единой мрачной черты тогда, когда въ душѣ было отчаяніе отъ нищеты и постыдныхъ интригъ враговъ его?

Таковъ былъ и Пушкинъ. Во мракѣ заточенія онъ все же сохранялъ свободу, непринужденность, игривость творчества. Онъ рисовалъ не мрачные образы, не тяжелыя впечатлѣнія, но волшебные цвѣты поэзіи изъ прекраснаго

свѣтлаго царства Моцарта и изящнаго Рафаэля — изъ колыбели гармоніи и правды.

Подобіе трехъ великихъ художниковъ является и въ ихъ преждевременной смерти.

Недолго медлилъ онъ: велѣніемъ Творца

Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель . . . . .

А мы . . . мы можемъ лишь, смущенныя сердца,

Смиренно лепетать судьбѣ жестокой пени

И, горды славою его священной тѣни,

Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца.

Est A-16970

TO RAAMATUKOGU

1 0300 00841889 1